

Луиза Брайант

Репортаж
американской
журналистки
из страны
большевиков

Individuum

Луиза Брайант

**Полгода в красной
России. Репортаж
американской журналистки
из страны большевиков**

«ЭКСМО»

1918

УДК 94(47+57)"1917/1918"
ББК 63.3(2)611

Брайант Л.

Полгода в красной России. Репортаж американской журналистки из страны большевиков / Л. Брайант — «Эксмо», 1918 — (Individuum)

ISBN 978-5-04-249600-4

Американская журналистка и феминистка Луиза Брайант приезжает в Россию за два месяца до Октябрьской революции, когда старый порядок рухнул, а новый еще не установился. Ей удастся невозможное: получить пропуска от всех враждующих сторон и оказаться по обе стороны баррикад. Брайант не пишет историю с безопасного расстояния — она мерзнет в очередях за хлебом, бродит по коридорам осажденного Зимнего дворца, становится свидетелем уличных столкновений и сама попадает под пули. Она видит, как вчерашние заключенные в одночасье становятся министрами, разговаривает с солдатами, рабочими и лидерами революции, фиксируя язык, страхи и надежды людей на кромке исторического разлома. «Полгода в красной России» — живой и пристрастный репортаж изнутри события, изменившего историю XX века, написанный в момент, когда реальность еще не успела превратиться в легенду. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)"1917/1918"
ББК 63.3(2)611

ISBN 978-5-04-249600-4

© Брайант Л., 1918

© Эксмо, 1918

Содержание

Предисловие научного редактора	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Луиза Брайант
Полгода в красной России
Репортаж американской
журналистки из страны большевиков

Louise Bryant

Six Red Months in Russia

An Observer's Account of Russia Before and During the Proletarian Dictatorship

George H. Doran Company, New York, 1918

© Louise Bryant, 1918

© Д. Иванов, перевод, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Individuum ®

Предисловие научного редактора

Шесть красных месяцев в судьбе Луизы Брайант

Имя американской журналистки Луизы Брайант (для тех, кто хотя бы раз его слышал) чаще всего вызывает ассоциации лишь с одной ее ролью. Она была супругой знаменитого журналиста Джона Рида, друга Советской России и автора знаменитых «Десяти дней, которые потрясли мир». На экране ее образ появлялся как минимум в трех экранизациях этой книги: в советском фильме «В дни Октября» (1958) с Галиной Водяницкой, в оскароносной картине Уоррена Битти «Красные» (1981) с Дайан Китон и в фильме Сергея Бондарчука «Красные колокола» (1982), где ее сыграла Сидни Ром.

Парадокс в том, что на страницах «Десяти дней, которые потрясли мир» спутница и жена Джона Рида в революционной России упомянута всего дважды, и одно из этих упоминаний представляет собой лишь ссылку на ее книгу *Six Red Months in Russia*. При этом сама книга, в отличие от ставших хрестоматийными воспоминаний Рида, до 2025 года никогда не переводилась на русский язык. В результате в массовом восприятии Брайант словно навсегда осталась в тени своего мужа.

При этом вся ее биография показывает, что жить в тени мужчины она не собиралась. Она стремилась к независимости и к тому, чтобы самостоятельно отвечать за свой выбор в личной жизни и карьере. Ее статьи, рассказы и стихи не нуждались в опоре на чье-то имя или авторитет, да и круг ее интересов был значительно шире революционной тематики. Брайант работала как репортер, очеркист и военный корреспондент, писала о правах женщин и международной политике, много путешествовала, ее политические взгляды тоже со временем эволюционировали.

Будущая журналистка и писательница, известная миру как Луиза Брайант, родилась под именем Анна-Луиза Моэн 5 декабря 1885 года в Сан-Франциско. Она была третьим ребенком в семье. После развода родителей, когда девочке было четыре года, мать вышла замуж за Шеридана Брайанта, и семья приняла его фамилию. Переехав в Неваду, Луиза училась в Уодсвортской средней школе, затем в Университетской школе Рино и Университете Невады, а выпускной диплом получила уже в Университете Орегона в 1909 году.

После учебы Брайант поселилась в Портленде и начала карьеру в газете *Spectator* – сначала как иллюстратор, затем как ведущая светской хроники. В том же 1909 году она вышла замуж за стоматолога и коллекционера искусства Пола Труллингера. В их доме вскоре стали бывать разные общественные деятели и активисты, среди которых были анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман. В 1912 году во многом под влиянием подруги, феминистки и поэтессы Сары Бард Филд, Брайант включилась в движение за избирательные права женщин в Орегоне, разъезжала по штату с лекциями и довольно быстро стала заметной фигурой.

Примерно в это же время Брайант впервые познакомилась со статьями Джона Рида. Его публикации в социалистическом журнале *The Masses* произвели на нее сильное впечатление.

Их встреча в 1914 или 1915 году стала поворотным моментом. В 1916 году она переехала к Риду в Нью-Йорк и в том же году оформила развод. Пара поселилась в Гринвич-Виллидж, легендарном районе художников, поэтов и политических радикалов. Здесь Брайант дебютировала в театре как драматург и начала публиковать статьи и стихи в *The Masses*. Летом 1916 года вышло ее сочувственное эссе о Пасхальном восстании в Ирландии под названием «Революция поэтов». Осенью того же года Брайант и Рид официально поженились.

Летом 1917 года Брайант получила свое первое зарубежное журналистское задание от информационного агентства *Bell Syndicate* – написать серию репортажей с европейского фронта. Она отправилась во Францию как военный корреспондент и провела там несколько недель, главным образом в Париже. Все это время журналистка пыталась получить разрешение французских властей на посещение Западного фронта, однако в итоге ей все же отказали из-за недостаточного журналистского стажа и того, что она была женщиной. Брайант писала Риду, что строгая цензура позволяет ей сообщить лишь самую общую информацию: «Здесь все изменилось, каждый аспект изменился за последние три месяца»³⁰¹.

И все же ее статья, где она описала свое путешествие через океан, вышла в *New York American* 8 июля 1917 года под заголовком «Женщина рассказывает о битве лайнера с подводной лодкой». После возвращения в США Брайант и Рид подготовили совместную статью «Новости из Франции», опубликованную в *The Masses* в октябре 1917 года и ставшую главным материалом номера.

В это время супруги уже находились в сердце революционной России. Джон Рид, хорошо известный своими радикальными взглядами, с трудом смог найти аккредитацию и средства на поездку. Луиза Брайант, напротив, получила разрешения почти без препятствий, в том числе аккредитации от *Metropolitan*, *Seven Arts* и *Every Week*. Она продолжила сотрудничество и с *Bell Syndicate*, охотно отправившим корреспондентку для подготовки материалов с «женским взглядом на революцию»³⁰².

Американцы прибыли в Петроград за два месяца до Октября. Прошло уже полгода после падения монархии, и в стране стремительно нарастала поляризация между левыми и правыми силами. Политическая ситуация менялась почти ежедневно, напряжение росло, а власть Временного правительства становилась все более шаткой. В июле 1917 года леворадикальные силы предприняли попытку свергнуть правительство. Ответственность за беспорядки в Петрограде была возложена на большевиков, многие из них оказались в заключении, другие перешли на нелегальное положение. Уже по дороге в Россию Брайант и Рид стали получать тревожные сообщения о выступлении генерала Корнилова и его попытке установить военную диктатуру. Журналисты оказались в самой гуще событий, которые могли в любой момент перерасти в решающую развязку.

За четыре месяца, проведенных в России – а не шесть, как сказано в названии ее будущей книги, – Луиза Брайант смогла взять интервью у ведущих фигур эпохи: Александра Керенского, Льва Троцкого, Александры Коллонтай, Екатерины Брешко-Брешковской, Марии Спиридоновой. Кроме того, она неоднократно рисковала жизнью, чтобы оказаться в самом центре событий и понять точку зрения как простых людей, так и лидеров. «Большевики овладели Петроградом, и Джек [Джон Рид] и я были частью всего этого», – позже с гордостью написала Луиза в неопубликованных мемуарах³⁰³.

Все увиденное и услышанное Брайант позже легло в основу ее книги, но она писала не только по памяти. Во время пребывания в России журналистка вела своеобразный дневник: делала полевые заметки, фиксировала имена, фрагменты разговоров, цитаты из речей и детали происходящего. Эти записи оставались неизвестны исследователям вплоть до 2004 года, когда дочь Брайант передала их в архив. Всего сохранилось три блокнота, исписанных карандашом, которые охватывали весь период ее пребывания в России в 1917–1918 годах. Именно из этих записок позднее и сложилась книга «Полгода в красной России».

Может показаться удивительным, но при всей подробности этих записей ни Брайант, ни Рид поначалу совсем не владели русским языком. Однако языковой барьер не оказался

³⁰¹ Gardner V. Friend and lover: The life of Louise Bryant. New York: Horizon press, 1982. P. 74.

³⁰² Gelb B. So short a time: A biography of John Reed and Louise Bryant. New York: Norton & co., 1973. P. 144.

³⁰³ Dearborn M. V. Queen of Bohemia: The life of Louise Bryant. New York: Houghton Mifflin Company, 1996. P. 84.

серьезной преградой. Они разучивали разговорные выражения, а иногда объяснялись жестами. Многие из их русскоязычных собеседников говорили по-английски, по-французски или по-немецки. Кроме того, журналисты могли рассчитывать на помощь политиков Владимира «Билла» Шатова, Александра «Алекса» Гомберга, Бориса Рейнштейна и других, которые до революции провели много лет в США. Тем не менее Брайант чувствовала себя не вполне уверенно. Она даже записала в блокноте: «Идея для пьесы – персонаж, который не говорит на языке и все время ищет в словаре то, что хочет сказать»³⁰⁴.

Из записок видно, что некоторые первые впечатления Брайант позднее в книге звучали иначе. Приехав в Россию, она относилась с заметной симпатией к ряду противников большевиков. О Керенском она записала: «Керенский умеет вдохновлять. Если бы у него была жизненная воля Т[еодора] Р[узвельта], он мог бы повести за собою Россию»³⁰⁵. В другом месте о нем же и старой революционерке Екатерине Брешко-Брешковской, с которой Брайант была хорошо знакома: «Есть что-то бесконечно печальное в судьбе, которая увела Баб[ушку] и Керен[ского] из жилища народа в обитель князей»³⁰⁶.

С долей сочувствия она пишет даже о правом политике Владимире Пуришкевиче и министре иностранных дел Временного правительства Михаиле Терещенко, которые вскоре должны были предстать перед новой властью: «Никто не может предположить, как революционный трибунал поступит с этими несчастливыми политиками»³⁰⁷. В этих словах слышится, конечно, не поддержка их взглядов, но человеческое сострадание.

И напротив, в блокнотах встречаются резкие высказывания о большевистских лидерах, которые не вошли в книгу. Во время речи в Смольном Ленин произвел на Брайант неприятное впечатление: «Он лысый, маленький и бледный, с ирландским лицом, красным носом, маленькими усами, черными бровями, скорее похож на маленького ирландского районного политика или бармена [bartender]»³⁰⁸.

Еще более резкой по тону выглядит запись о Троцком, датированная 16 декабря 1917 года: «Прошлой ночью Троцкий произнес свою „гильотинную речь“. Сказал, что в ней [гильотине] может возникнуть необходимость, и аудитория кричала: „Это необходимость!“ Впервые столь осознанный призыв к террору был встречен одобрением. Везде чувствуется, что [атмосфера] становится напряженнее, но иначе, чем когда-либо прежде»³⁰⁹. Дневниковая запись показывает совсем иной, чем в книге, эмоциональный отклик на выступление Троцкого. Мы видим здесь тревогу от того, насколько легко аудитория приняла его призыв.

Отдельные фрагменты дневников Брайант представляют собой подробные зарисовки с мест событий; некоторые из них вошли в книгу почти без изменений. Например, описание перестрелки на Исаакиевской площади, в которую она попала о время юнкерского выступления, или «красные похороны» в Москве, где журналистка детально передала эмоциональное состояние траурного шествия.

Особый интерес представляют интервью, которые Брайант записывала почти дословно. Блокноты содержат обширные заметки о встрече с Марией Спиридоновой. Можно даже сказать, что это черновик будущей статьи, которая позже вошла в книгу. Еще один значимый эпизод, почти целиком вошедший в книгу, – разговоры с женщинами из Петроградского женского

³⁰⁴ Louise Bryant Papers (MS 1840). Sterling Memorial Library. Box 15. Folder 98.

³⁰⁵ Louise Bryant Papers. Folder 98. Научный редактор благодарит за помощь с расшифровкой некоторых записей из дневников Антуанетту Нору Клейпул, которая в настоящий момент готовит к публикации биографию Луизы Брайант, основанную на архиве журналистки.

³⁰⁶ Louise Bryant Papers. Folder 98.

³⁰⁷ Louise Bryant Papers. Folder 100.

³⁰⁸ Louise Bryant Papers. Folder 98.

³⁰⁹ Louise Bryant Papers. Folder 100.

батальона смерти. Доля совпадений с опубликованным текстом показывает, что книга во многом основана на непосредственных впечатлениях и первичной фиксации событий.

На страницах этих блокнотов Брайант уже размышляет о будущей книге или по крайней мере серии статей. В ее набросках встречаются возможные темы: заговор большевиков, первые месяцы большевистской диктатуры, женский вопрос. Именно последняя тема явно занимала активистку борьбы за права женщин больше других. По книге хорошо видно, что Брайант внимательно наблюдает за тем, как меняется положение женщин в революционной России. Эта тема для нее – не периферийный сюжет. Она пыталась понять, как революция отражается на жизни женщин разных социальных слоев.

Судя по дневнику, именно так Брайант видела свою будущую книгу. «Необходимо получить „Женскую историю“, – пишет она, помня свое журналистское задание. В другом месте журналистка уточняет замысел: «„Женская история“ должна называться „Равенства“ [Equalities], представляя все стороны без [собственного] мнения»³¹⁰. В блокнотах сохранился даже набросок структуры будущей книги. Рабочим названием было «Женщины революции», и на тот момент она задумывалась как серия портретов: Екатерина Брешко-Брешковская, Мария Спиридонова, Александра Коллонтай, Софья Панина, Ольга Каменева, Вера Фигнер, Анна Вырубова, Анастасия Биценко и другие³¹¹. Судя по списку, Брайант стремилась представить всю политическую палитру России через женские судьбы. В полной мере этот проект не был реализован, но его концепция частично воплотилась в этой книге, где интервью с женщинами становятся важными смысловыми опорами.

Брайант покинула Петроград в начале февраля 1918 года. Джон Рид остался в России и, казалось, вовсе не собирался возвращаться. Он работал в Бюро международной революционной пропаганды, где, в частности, помогал переводить на английский язык первые декреты советской власти. Кроме того, Рид участвовал в подготовке материалов для немецкоязычных изданий *Die Fackel* и *Die Russisch Revolution in Bildern* («Русская революция в картинках»), предназначенных для распространения среди немецких солдат.

А Брайант, вернувшись в США, немедленно начала писать о России. Уже с апреля 1918 года в *Philadelphia Public Ledger* выходит серия из тридцати двух ее статей, которые затем перепечатываются более чем сотней газет по всей территории США и Канады. Почти мгновенно Брайант становится звездным репортером и одним из американских экспертов по Советской России. Собранные вместе, эти тридцать два очерка были опубликованы в октябре 1918 года в виде книги под названием *Six Red Months in Russia*

³¹⁰ Louise Bryant Papers. Folder 100.

³¹¹ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.